

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

N. Evans. Bininj Gun-wok: A pan-dialectal grammar of Mayali, Jinwinjku and Kune. V. 1–2. Canberra: Pacific Linguistics, 2003. xxx + 746 p.

Вопрос о том, каким образом должно быть устроено грамматическое описание языка и насколько оно должно следовать «типичным» лингвистическим представлениям, стал в последние десятилетия крайне актуален – в первую очередь, благодаря бурному развитию типологии и активным исследованиям малых и «экзотических» языков. Рассматриваемая ниже грамматика представляет в этой связи особый интерес. Во-первых, объектом описания здесь является цепь диалектов, различающихся по ряду весьма существенных характеристик – например, по количеству именных классов и по показателям отрицания (последние парадоксальным образом иногда даже используются для наименования диалектов). Во-вторых, сами эти диалекты обладают достаточно специфическими типологическими характеристиками, обусловленными их полисинтетизмом и неконфигурационностью и ставящими под вопрос некоторые общепринятые представления о том, как должно быть устроено описание языка.

Название «бининь гун-уок» (*Bininj Gun-wok*; далее гун-уок) применяется к одной из распространенных на севере Австралии диалектных цепей. В некоторых более ранних работах та же диалектная цепь именовалась майяли (*Mayali*).

Семья гунуиньгу, к которой относится гун-уок, не была обделена вниманием лингвистов. В типологической среде широко известно, например, добротное описание родственного гун-уок языка нунггубуйю [Heath 1984]. Из диалектов гун-уок, однако, лишь один (кунуиньку) получил достаточное освещение, в то время как остальные пять по сути впервые удостоиваются подробного грамматического описания. Автор грамматики Н. Эванс, один из виднейших современных типологов и известный специалист по австралийским языкам (среди его ра-

бот подробная грамматика языка каярдилд [Evans 1995]), занимался изучением гун-уок со второй половины 1980-х гг. В дальнейшем им были собраны тексты на различных диалектах и проведено детальное исследование ряда аспектов грамматики, нашедшее отражение в большом числе статей. Четырнадцать глав рассматриваемого описания, таким образом, суммируют результаты этой работы.

Существенной проблемой для представления материала гун-уок является кардинально иное распределение информации в высказывании по сравнению с тем, что наблюдается в абсолютном большинстве европейских языков. А ведь именно на основе последних и выработывалась схема, легшая в основу большинства грамматических описаний. Как уже было сказано, гун-уок является полисинтетическим и соответственно, он задействует морфологию в гораздо большей степени, нежели европейские языки. Так, например, гун-уок обладает большим количеством префиксов, описывающих обозначаемую предикатом ситуацию с точки зрения ее темпорально-аспектуальных отношений с другими ситуациями (имеются в виду показатели типа 'затем', 'еще не'), пространственно-временных характеристик (вроде 'лежа на спине', 'на солнце', 'утром'), количества ее участников. Кроме них, в рассматриваемом языке имеется два показателя аппликативной деривации (бенефактивный и комитативный), добавляющей новых участников в семантическую структуру предиката. Наконец, здесь обнаруживается и продуктивная инкорпорация глагольных и именных корней. Все это – вместе с показателями, индексирующими лицо (а в некоторых случаях и число) субъекта и одного из объектов, – позволяет передать в рамках одного слова смыслы, которые в других языках вроде латинского, английского или русского требуют специальных синтаксических кон-

струкций, а порою и целых предложений. В свете этого вовсе не удивительно, что значительная часть информации, которую многие читатели, возможно, ожидали бы увидеть в разделах, посвященных синтаксису, в обсуждаемой грамматике помещена в главы, рассматривающие морфологию глагола (именно здесь даются, например, определения подлежащего и «дополнений», естественно увязываемые с их выражением в сказуемом, обсуждаются некоторые средства, выражающие квантификацию участников ситуации, и т.д.).

Естественно, несмотря на всё богатство инвентаря, морфология гун-уок не способна заменить синтаксис целиком. Тем не менее, как показывает Н. Эванс, последнему в обсуждаемом языке чаще отводится лишь вспомогательная роль – особенно в том, что касается выражения аргументных отношений. Кроме того, в гун-уок интерпретация одной составляющей нередко требует привлечения морфологии другой. В этом отношении показательно то, как Эванс описывает именную группу: в целом ряде случаев, если речь идет о выражении некоторого параметра, релевантного для референта именной группы (например, числа), описывается также выражение этого параметра в глаголе. Как кажется, такое представление отражает одну из важнейших особенностей полисинтетических языков, а именно то, что в таком языке интерпретация высказывания не строится «по кирпичикам», от простого к сложному, в соответствии с классическим принципом композициональности, но требует привлечения материала грамматически (или по крайней мере коммуникативно) зависимых компонентов по мере необходимости. Надо полагать, что как раз это и объясняет, почему полисинтетизм в общем имплицитно маркирует вершинное маркирование (в терминологии [Nichols 1986]), хотя вообще говоря, зависимостное маркирование также может быть крайне сложным и отражать вышестоящие иерархические соотношения в высказываниях (именно такая ситуация наблюдается в описанном ранее Н. Эвансом языке каярдилд).

В связи со сказанным выше возникает два принципиальных вопроса. Во-первых, если морфология в языке берет на себя часть функций синтаксиса, не значит ли это, что она должна и функционировать подобно синтаксису? Во-вторых, насколько «хаотичен» может быть синтаксис, если синтаксические отношения не выполняют принципиальной роли композиционального связывания разных членов высказывания? Следует заметить, что этой проблематике посвящено множество работ как функционалистского направления (см., например [Van Valin 1985] и в особенности сборник статей [Evans,

Sasse (eds.) 2002]), так и генеративного (см. прежде всего [Baker 1995]).

Обсуждаемая грамматика является в первую очередь описательной и эксплицитно эти вопросы не обсуждает (хотя такие статьи ее автора, как [Evans 1999], явно отражают его равнодушие к данной тематике). В то же время, как раз эта дескриптивная направленность позволяет взглянуть на соответствующие проблемы вне рамок конкретных теоретических установок.

Ответ на вопрос о сходстве функционирования полисинтетической морфологии и синтаксиса в гун-уок не вытекает на основании данной грамматики с легкостью. Дело в том, что, хотя монография Н. Эванса и содержит массу информации о формальных особенностях строения словоформ, основное описание глагольной морфологии (а именно глагол является средоточием полисинтетического устройства гун-уок) строится на основе значений морфем. В результате в один разряд порою попадают аффиксы, различающиеся как по степени продуктивности, так и по позиции внутри словоформы. Между тем, как раз продуктивность и позиция (или вернее, взаимоотношение разных позиций, а также их варьирование), можно думать, являются важнейшими свидетельствами «синтаксичности» морфем в полисинтетическом языке.

И тем не менее, автором – пусть и в разных разделах – предоставляются основные данные касательно обсуждаемого вопроса. Следующие черты свидетельствуют, на первый взгляд, в пользу того, что основные аффиксы в гун-уок функционируют так же, как и их аналоги в языках «среднеевропейского стандарта»:

(i) Признаки флективности, противоречащие идее о «сложении» морфем в ходе процесса, аналогичного синтаксическому. Многие аффиксы имеют ряд вариантов, выбор которых, судя по всему, не столько мотивирован морфонологически, сколько зависит от конкретного корня (например, принадлежности его к тому или иному «спряжению»). Кроме того, в гун-уок наблюдается и кумулятивное выражение одним аффиксом нескольких значений: например, отдельные личные показатели одновременно маркируют время.

(ii) Формальные ограничения на выражение. Почти все классы морфологических компонентов, выделенные Эвансом в гун-уок, появляются в словоформе единожды – даже если с точки зрения семантики они могут быть представлены и большее количество раз. Так, индексация аргументов глагола в данном языке ограничена двумя позициями (субъекта и одного из объектов), хотя семантика основы может требовать большего числа аргументов

(например, когда основа включает бенефактивный или комитативный префиксы, вводящие новых участников).

(iii) Наличие невыраженных (нулевых) морфем, обладающих конкретным значением и «парадигматически» противопоставленных фонологически выраженным аффиксам. В неполисинтетических языках невыраженные синтаксические единицы (в тех случаях, когда есть смысл их постулировать) обычно имеют переменное значение, обусловленное соответствующей конструкцией (например, в русск. предложении *Иду* невыраженное подлежащее однозначно идентифицируется за счет формы глагола).

Казалось бы, все эти характеристики указывают на то, что морфология гун-уок вполне соответствует типичным представлениям о роли морфологических элементов. И тем не менее, картина, которую рисует Эванс, не так проста. В частности, оказывается, что использование многих аффиксов не определяется частью речи. Рассмотрим этот вопрос чуть подробнее.

В целом, как аргументируется в грамматике, класс имен (включающий существительные и прилагательные) и класс глаголов в гун-уок противоположены достаточно четко. Основным критерием, используемым для противопоставления знаменательных частей речи, для Н. Эванса является сочетаемость с классами аффиксов. Так, только имена сочетаются с префиксами рода/именного класса (эти две категории, выражаемые одними показателями, но по разным правилам, противопоставляются автором на основе того, способно ли одно и то же имя принимать разные префиксы данного типа; род, соответственно, понимается как словоизменительная согласовательная категория, свойственная прилагательным). Точно так же, преимущественно имена факультативно присоединяют так называемые «ролевые суффиксы» (аблатив, инструменталис, генитив, локатив и др.), хотя известная австралийская конструкция, в которой глаголы могут маркироваться падежными показателями (см. [Dench, Evans 1988]), маргинально все же представлена в некоторых диалектах гун-уок.

Сложнее в этом языке обстоит дело с так называемой «глагольной морфологией». Дело в том, что ряд аффиксов, прототипически присоединяющихся к глаголу, здесь порой обнаруживается и при именах (как при существительных, так и при прилагательных) – при условии соблюдения семантической сочетаемости. Последнее, заметим, на практике означает выделение отдельного подкласса имен, присоединяющего основную «глагольную морфологию» – прежде всего, личные префиксы и показатели

времени/аспекта/наклонения. К этому подклассу относятся наиболее семантически близкие к глагольному прототипу имена – прилагательные и обозначения периодов жизни (вроде ‘ребенок’).

Подобная дистрибуция «глагольной морфологии» – причем не только личных и темпоральных маркеров, но и бенефактивного префикса и даже некоторых «адвербиальных» показателей – вынуждает Н. Эванса заявить, что в данном случае правильнее говорить о морфологии сказуемого (с. 353). Это само по себе, очевидно, противоречит общим представлениям о функционировании морфологии, разработанным для неполисинтетических языков, – когда аффиксы понимаются либо как часть лексем, либо как часть словоформы, определяемой парадигматически для некоторого лексического класса, но не как нечто, присущее синтаксической категории. Таким образом, формальная «неразборчивость» части аффиксов наводит на мысль о том, что сложные неполисинтетические словоформы в гун-уок все же не выбираются из парадигм, но строятся в процессе речи. Более того, несмотря на то, что Н. Эванс по возможности строит свое описание на основе концепта парадигмы, в условиях семантически-обусловленной сочетаемости аффиксов это понятие дает сбой. Так, например, из «парадигмы» темпорально-модально-аспектуальных показателей только имперфектив прошедшего времени и ирреалис могут получать ненулевое маркирование на именах, в то время как остальные граммемы данного ряда – императив, непрошедшее время и перфектив прошедшего времени – не допускают формального выражения на неглагольных сказуемых (правда, теоретически допустимо, что некоторые из них получают нулевое выражение).

Аналогичные наблюдения можно сделать и в отношении инкорпорации и образования так называемых «сложных имен» (nominal compounds), детально описанных в грамматике. В гун-уок оба эти морфологических процесса чрезвычайно продуктивны и обнаруживают очевидные сходства. Наиболее заметной из параллелей является то, что как синтаксическая инкорпорация, так и образование сложных имен по большей части используют одни и те же корни – закрытый класс «классификационных» корней с относительно широким значением и обозначения частей тела. Естественно предположить (хотя Н. Эванс это и не эксплицирует), что на самом деле эти корни обладают определенными квази-синтаксическими сочетаемостными свойствами, позволяющими им входить в состав сложных словоформ.

Существуют и другие свидетельства в пользу того, что морфология гун-уок обладает большей функциональной автономностью. Например, в гун-уок имеется ряд синтаксически близких к именам идиоматических выражений, исходно представлявших собой глагольные словоформы, вроде *bene-danginj* 'два брата / две сестры' (букв. 'двое стояли'). Будь это просто «застывшие словоформы», можно было бы ожидать, что их форма останется неизменной. И все же личные префиксы в таких выражениях остаются семантически значимыми, так что такого рода слова продолжают изменяться по лицу и числу; ср., например, *ngarri-danginj* 'мы братья / сестры' (букв. 'мы стояли'). Как кажется, такая морфологическая вариативность должна обнаруживаться скорее во фразеологизованных сложных составляющих, что вновь указывает на большую автономность морфологии: как отмечает Н. Эванс, здесь «часть цепочки [морфем] конвенционализирована, но [другая] часть остается прозрачной (open)» (с. 123).

Наконец, косвенное свидетельство функциональной автономности аффиксов в гун-уок состоит в том, что особо сложные глагольные словоформы могут прерываться паузами, отделяющими префиксальную часть от остальной части комплекса; ср., например, *gaben-marne...girribun* 'он испечет это для них в земляной печи', где последовательность личных префиксов и бенефактивного показателя оказывается оторванной от сложной основы и показателя (непрошедшего) времени (с. 329).

Таким образом, следует признать, что, несмотря на приведенные выше факты, сближающие морфологию гун-уок с тем, что известно нам из флективных языков, она, тем не менее, функционирует иначе. И это, можно думать, объясняется тем, что ей приходится выполнять некоторые функции, в других языках отводимые синтаксису. Заметим, что существуют полисинтетические языки (например, атабаскские [Rice 2001] и абхазо-адыгские [Тестелец 2004]), в которых многие из рассмотренных особенностей полисинтетизма проявляются еще более явно, так что строй гун-уок может дать пищу и для исследований по типологии полисинтетических языков.

Но если морфология берет на себя так много, что же остается синтаксису? В отличие от многих других грамматик австралийских языков, рассматриваемая монография обсуждает синтаксис довольно подробно. При этом, как и при описании других фрагментов грамматического строя гун-уок, Н. Эванс ни в коем случае не навязывает априорную интерпретацию представляемым им фактам, но, конечно, пытается их как-то осмыслить. Хотя в этом языке

роль синтаксиса в выражении аргументной структуры сведена к минимуму, а порядок слов более или менее свободен, автор все же обнаруживает ряд закономерностей в синтаксическом построении высказывания. Часть из них, по-видимому, связана с коммуникативным построением предложения. Кроме того, вопреки частому представлению о языках такого типа, как практически не имеющих синтаксических ограничений, в гун-уок обнаруживаются и достаточно жесткие правила расположения компонентов высказывания – в том числе и правила, обуславливающие непосредственное примыкание составляющих. Примечательно, однако, что в большинстве случаев (хотя и не всегда) такие закономерности касаются компонентов, не описывающих аргументы и/или не имеющих соответствующего или связанного выражения в сказуемом. По-видимому, грамматикализация синтаксических явлений в полисинтетическом языке происходит в первую очередь в тех случаях, когда морфологии оказывается уже недостаточно.

Но особо интересный аспект, затронутый в работе Н. Эванса, составляют как раз конструкции, в которых подобной грамматикализации, на первый взгляд, не видно вовсе. В гун-уок за немногочисленными, но важными исключениями отсутствуют формальные средства подчинения клауз. И тем не менее, как наглядно демонстрирует Н. Эванс, аналоги подчинения можно усмотреть в ряде конструкций, формально такие средства и не включающих. Так, например, многие частицы, в принципе встречающиеся и в независимых предложениях, иногда играют роль союзов. Кроме того, существенную роль приобретают темпоральные значения, выраженные в предикациях, поскольку в гун-уок встречаются грамматикализованные последовательности предикаций, в которых связь между ними определяется на основе того, какие темпорально-аспектуально-модальные суффиксы эти клаузы содержат.

Все это показывает, что язык гун-уок представляет несомненный интерес для типологии. Но, что более важно, и сама грамматика Н. Эванса представляет значительный интерес для типолога – в силу своей детальности и стремления к адекватности. Надо сказать, что рассмотренные выше аспекты гун-уок – это лишь малая толика того, что представлено в монографии. А ведь помимо морфологии и синтаксиса здесь дана еще масса сведений диалектологического и сравнительного характера и даже информация о таких специфических, но типологически важных для лингвистики и этнографии вопросах, как, скажем, система терминов родства или употребление разных регистров в гун-уок. Поэтому хочется думать,

что благодаря грамматике Н. Эванса бинивь гун-уок станет для многих исследователей гораздо ближе, чем он располагается географически*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Тестелец 2004 – Я.Г. Тестелец. О трех моделях морфологической структуры // Первая Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. СПб., 2004.
Baker 1995 – M. Baker. The polysynthesis parameter. Oxford, 1995.
Dench, Evans 1988 – A. Dench, N. Evans. Multiple case marking in Australian languages // Australian journal of linguistics. V. 8 (1). 1988.

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 06-04-00194а «Синтаксис полисинтетического языка»).

Evans 1995 – N. Evans. A grammar of Kayardild. With historical-comparative notes on Tangkic. Berlin, 1995.
Evans 1999 – N. Evans. Why pronominal prefixes are not pronouns: evidence from Mayali // Sprachtypologie und Universalienforschung. Bd. 52 (3/4). 1999.
Evans, Sasse (eds.) 2002 – N. Evans, H.-J. Sasse (eds.). Problems of polysynthesis. Berlin, 2002.
Heath 1984 – J. Heath. Functional grammar of Nunggubuyu. Canberra, 1984.
Nichols 1986 – J. Nichols. Head-marking and dependent-marking grammar // Language. V. 62 (1). 1986.
Rice 2001 – K. Rice. Morpheme order and semantic scope. Word formation in the Athapaskan verb. Cambridge, 2001.
Van Valin 1985 – R. Van Valin. Case marking and the structure of the Lakhota clause // J. Nichols, A. Woodbury (eds.). Grammar inside and outside the clause. Cambridge, 1985.

Ю.А. Ландер

B. Hansen, P. Karlik (eds.). Modality in Slavonic languages. New Perspectives. München: Verlag Otto Sagner. 388 s.

Созданная по материалам международной конференции «Модальность в славянских языках. Новые перспективы» (Регенсбург, Германия, ноябрь 2004 года), книга представляет собой жанр промежуточный между сборником статей и докладами конференции. В сборнике представлено весьма пестрое собрание текстов: 24 статьи по-русски, по-английски и по-немецки сильно разнятся по уровню содержания и подачи материала. В то же время, учитывая, что модальность, и тем более модальность в славянских языках, – не самый частый сюжет современной лингвистики, сборник заполняет существенную лауну. В книге затрагивается широкий круг проблем, связанных с модальностью: семантика разнообразных модальных единиц (во многих англоязычных статьях используется удобный термин «modals»), их ареальное распределение, историческое развитие, связь с культурными концептами.

До определенного времени модальность изучалась преимущественно на материале английского языка, с привлечением данных некоторых других европейских языков. Между тем, как справедливо отмечает Ф. де Хаан в статье «Модальность в славянских языках и семантические карты», английская модальная система во многом является уникальной и едва

ли может быть отправной точкой для описания других языков. Модальность в английском языке и, шире, в германских языках вообще, является, с точки зрения де Хаана и других исследователей (например, Б. Ханзена), грамматикализованной в значительно большей степени, чем это свойственно не только славянским языкам, но и, по мнению де Хаана, любым другим языковым семьям. Последнее утверждение, конечно, является слишком сильным: имеется немало языков, где по крайней мере часть модальных значений, которые в английском передаются с помощью глаголов, выражена аффиксально – а это свидетельствует о более высокой степени грамматикализации модальности (см., например, об этом [van der Auwera, Amman 2005]). Ф. де Хаан рассматривает четыре модальных поля (*domains*) в славянских языках: желание, деонтическую модальность, эпистемическую модальность и эвиденциальность (другие остались вне поля зрения автора). В статье предлагаются семантические карты для старославянского глагола *хотѣти* (у него выделены значения немедленного действия (то есть такого, которое будет совершено в ближайшем будущем), немедленного действия в прошлом, фаталистического (неизбежного) будущего и собственно желания). У сербско-